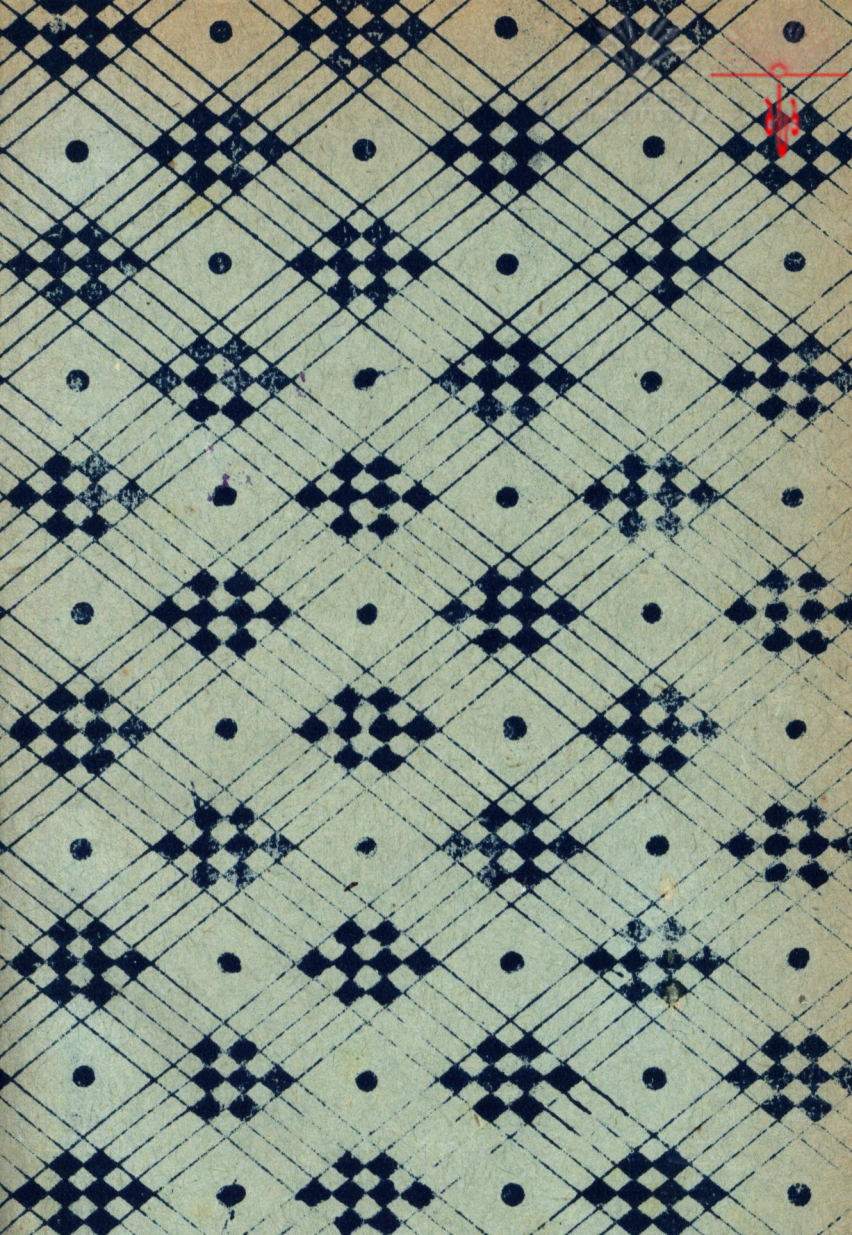

35251

1

11

НѢКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ

101-12

п 47

Я. П. Полонскаго.

Библиотека
Д. А. ОСТРОУМОВА

Шкѣль №

Полка №

ТИФЛИСЬ.

Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго.

1851.

Читальня

Handwritten notes in purple ink:
+ R 35751 x 15751 x 1
41887 K 3844

Handwritten number: 6153

Handwritten notes in red and black ink:
77
1109

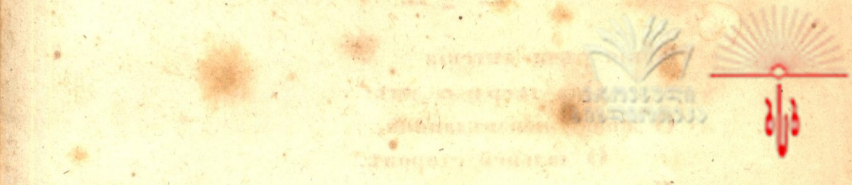

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный
Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. Тифлисъ. Мая 15 го,
1851 года. Исправляющій должность Ценсора Г. Сибилья.

4720

4720

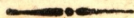
ЗАТВОРНИЦА.

Въ одной знакомой улицѣ—
 Я помню старый домъ,
Съ высокой, темной лестницею,
 Съ завѣшаннымъ окномъ,
Тамъ огонекъ, какъ звездочка,
 До полночи свѣтилъ;
И вѣтеръ занавѣскою
 Тихонько шевелилъ.
Никто не зналъ, какая тамъ
 Затворница жила,
Какъ часто сила тайная
 Меня туда влекла.
И что за чудо-дѣвушка,
 Въ завѣтный, часъ ночной,
Меня встрѣчала, блѣдная,
 Съ распущенной косой.

Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ:
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ.
Какъ не-по-дѣтски пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она дрожа шептала мнѣ:
«Послушай, убѣжимъ!»
«Мы будемъ птицы вольныя—
«Забудемъ гордый свѣтъ. ..
«Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ
«Туда возврата нѣтъ....
И тихо слезы капали—
И поцалуй звучалъ—
И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

4846.

* *
* *

Не мои ли страсти
Поднимають бурю!
Съ бурями борются
Не въ моей ли власти?... :

—

Пронеслася буря—
И дождемъ и градомъ
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

—

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы
Какъ алмазы блещутъ
Не мои ли слезы?

—

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка,
И свои невзгоды?

1850.

—

ДУБОКЪ.

—

Тихо проносится ночь благовонная,
Миръ внемля Богу молчитъ,
Въ роцѣ одной лишь осинка бессонная,
Листья колебля, шумитъ.

—

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжеля,
Дремлетъ дубокъ молодой.
Видитъ онъ сны, не совсемъ то веселые,
Возлѣ подруги ночью.

—

« Спи!—ему шепчетъ осинка тревожная:
Спи, мой дубокъ молодой!
Бури опасны; но я осторожная,
Буду беречь твой покой. »

—

«Снились мнѣ бури, нашъ край поствившій—
Молвилъ дубокъ молодой.
Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
Сломаны бурей ночной.

—
Снилось, подъ бурями выросъ высоко я—
Выше столѣтнихъ дубовъ;
Видѣлъ свободно я небо далекое—
Блескъ заревыхъ облаковъ.

—
Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сплстаются,
Звѣзды въ узоръ золотой,
И говорятъ, что они загораются
Съ тѣмъ чтобъ беречь мой покой.

—
Такъ говорилъ онъ—но вновь засыпающій,
Словно задумался онъ;
Листьевъ осиновыхъ шопоть ласкающій
Вновь погрузилъ его въ сонъ.»

1846.

Н И Щ И Й.

—

Знавалъ я нищаго:—какъ тѣбь,
Съ утра, бывало, цѣлый день,
Старикъ подь окнами бродилъ,
И подающія просилъ.
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, въ ночи раздавалъ
Большимъ, калекамъ и слѣпцамъ—
Такимъ же нищимъ какъ и самъ.

—

Въ нашъ вѣкъ, таковъ иной поэтъ,
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнуренъ,
Духовной пищи просить онъ
И все что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ. пополамъ
Съ такими-жъ нищими, какъ самъ.

НАИВНАЯ ЖАЛОБА.

—

Все говорятъ, что стала я блѣдна,
Что блѣдность мнѣ къ лицу,—что въ этомъ толку!
Вѣдь вы не знаете, какъ часто я одна
Грущу и плачу—плачу въ тихомолку.
Сказать ли вамъ за тайну, отъ чего
За мной домашніе присматриваютъ строже;
Клянитесь матушкѣ секрета моего
Не открывать... О, сохрани васъ Боже!
Вотъ видите, одинъ больной у насъ въ дому
Живеть;—онъ съѣхалъ къ намъ на дачу—и сначала,
Мнѣ было дико съ нимъ, не знаю почему;
Но съ каждымъ днемъ къ нему я привыкала,
И наконецъ, теперь, чтобъ нравиться ему,
Ужъ я чего—чего себѣ не позволяю,
Чего не дѣлаю? какихъ не прилагаю
Стараній,—хитростей... То косу распуштаю,
Я передъ нимъ играю какъ дитя,

То въ уголѣ я сажусь, молчу и поминутно
Любуюсь имъ, и не умѣю путно
Связать двухъ словъ; то съ небольшимъ въякомъ
Изъ васильковъ, отъ матушки тайкомъ,
Къ нему на встрѣчу, я сбѣгаю въ садъ старинной,
И у калитки, тамъ, въ концѣ аллеи длинной,
Стою и жду.....
Сказать ли вамъ еще, за что меня бранятъ,
За то что въ дождикъ,—въ воскресенье,
Я по сырой травѣ сама ходила въ садъ,
Ему цвѣтовъ нарвать любимыхъ,—безъ сомнѣнья
Одно въ виду имѣя утѣшенье,
Улыбку можетъ быть, иль благодарный взглядъ.
Но что ни дѣлаю, ничто не помогаетъ!
По прежнему онъ холоденъ и тихъ,
По прежнему сидитъ, да книги все читаетъ—
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!

1847.

БЕЗСОННИЦА.

Отъ чего я люблю тебя, свѣтлая ночь—
Такъ люблю, что страдая люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя тихая ночь!
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!..

Что мнѣ звѣзды—луна—горизонтъ—облака—
Этотъ свѣтъ, что скользя на холодный грантъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжить?
Ночь!—за что мнѣ любить твой серебрянный свѣтъ!
Усладить ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ,
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ,
Разрѣшить-ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ,—трепетъ сонныхъ листовъ—
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,—

Голоеа насекомыхъ во мракъ садовъ—
Горманическій говоръ струнъ ключевой?
Ночь!—за что мнѣ любить твой таинственный шумъ!
Освѣжить ли онъ знойную бездну души,
Заглушить ли онъ бурю мятежную думъ—
Все что жарче въ потьмахъ и слышишь въ тиши?

—

Самъ не знаю, за что я люблю тебя ночь—
Такъ люблю, что страдая люблюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя ночь—
Отъ того можетъ быть что далеку мой покой!—
1850.

СЛАТЬ-НОВА (1).

Много песковъ поглащаютъ моря, унося ихъ волнами;
Но берега ихъ сызучими вѣчно покрыты песками.

Много и пѣсенъ умчить навсегда невозвратное время:
Новые встанутъ пѣвцы и услышатъ ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что мѣрь мои пѣсни забудеть;
Но для тебя, пѣжвый другъ мой, другаго пѣвца ужъ
не будетъ.

Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки которыхъ
цвѣла ты.

Я просвѣтилъ твое сердце—а ты—ты мой умъ помрачила;
Я улыбаться училъ—а ты плакать меня научила.

Такъ, если смолкну я, страстно любя тебя, другъ бла-
городный,

Гдѣ, разрѣши мнѣ послѣдній вопросъ мой—гдѣ будетъ
холодный

Прахъ мой поконится? тамъ ли—въ далекихъ предѣлахъ
чужбины;
Здѣсь ли, въ саду у тебя, близъ тебя, подь навѣсомъ
ранины?...

1851.

В Е С Т А Л К А

или

ПОСЛѢДНЯЯ МОЛБѢ ЯЗЫЧНИЦЫ,

(Посв. Н. Щербинь)

«Вставай Секетилія!... Пора!... На этотъ разъ
Готовъ ли факель твой?»—Но сердцемъ изнывая,
Не спитъ во тьмѣ ночной Всталка молодая.—
Увы! починикъ ея погасъ...

Безъ факела идетъ Секетилія во храмъ.—
Какъ жрица Весты, тамъ, она огонь священный
Должна блюсти. Таковъ обычай неизменный,
Угодный царственнымъ богамъ.

Вотъ древній жертвенникъ,—таинственный огонь
Горить—лучи дрожа скользятъ на мраморъ млечный,

На неподвижный ликъ, на грудь богини вѣчной
И на простертую ладонь.

Приблизившись къ огню, Секестиля жезломъ
Пошевелила пламя;—возлѣ пьедестала
Облокотилась—и откинувъ покрывало,
Поникла на руку челомъ.

Стоить—и снится ей Полибій молодой—
Не онъ—ли въ колизей спѣша, въ плащѣ зеленомъ,
За колесницею летить на запыленномъ
Конѣ, по звонкой мостовой.

Подъ мѣдной каскою, въ одеждѣ боевой,
По тѣснымъ площадямъ, неопытный, но смѣлый,
Не онъ—ли, издали какъ тѣнь, слѣдить за бѣлой
Одеждой, съ пурпурной каймой.

И тамъ, гдѣ мутный Тибръ, изъ за публичныхъ бань,
Бѣжить въ сады—пріютъ статуй уединенныхъ—
Сатировъ съ нимфами и грацій обнаженныхъ—
И гдѣ, какъ трепетную лань,

Ее вчера смутилъ знакомый шумъ шаговъ;
Гдѣ поняла она все, все—мольбы желанья,
Любви прощальный вздохъ, съ надеждой на свиданье,
И горкій ропотъ на боговъ.

Ей снится блѣдный ликъ и темные глаза,
Одушевленные мучительною страстью....

— Кто можетъ.....

Сказать грозь: молчи гроза!

Какое божество захочетъ лѣтнихъ дней
Роскошный цвѣтъ убить морозной пеленою,
Иль римлянку, давно созрѣвшую душою,
Спасти отъ мысли и страстей!

И вспомнила она младенческіе дни—
Тѣ дни, когда отецъ и мать, убравъ цвѣтами,
Къ жрецамъ, къ подножью Весты, съ громкими мольбами,
Ее на жертву привели.

На жертву!— для чего? И вотъ, ея глаза
Изъ подъ густыхъ рѣсницъ блеснули небывалымъ
Огнемъ; стѣснилась грудь, и по ланитамъ впалымъ
Сбѣжала знойная слеза.

И отступя на шагъ, надъ юной головой,
Скрестя прекрасныя, до плечъ нагія руки,
Со всеми знаками невыносимой муки;
То упрекая, то съ мольбой,

Какъ Пнѳіа, въ бреду, Весталка говоритъ:
«Богиня! для чего беречь мнѣ этотъ пламень?
Ты холодна, но я, не ты—не мертвый камень,
Въ которомъ кровь не закипитъ.»

Ты видишь: я больна,—во снѣ и на яву.
Я брежу ямь—Гляди, какъ сами плачуть очи!
Подслушай лепетъ мой, когда на ложе ночи
Я чуть не въ слухъ его зову.

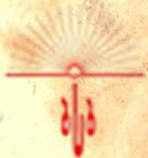
Скажи мнѣ: кто зажегъ огонь въ моей груди,
И отчего мнѣ тяжело это покрывало?
Сойди безсмертная богиня съ пьедестала
И сердце смертной остуди!

Тебѣ я отдала мои молодые дни—
Иль жертва страшная моя чудесъ нестойтъ!
Такъ если знаешь ты, какъ это сердце поеть,
Надмѣнная! пошевелини

Надъ этимъ олтаремъ простертою рукой!
Одною складкой мраморной одежды...
Пускай со страхомъ, но не безъ надежды
Я ницъ паду предъ тобой.

Увы! суровъ твой ликъ—десница тяжела—
Твои глаза глядятъ, лучей не отражая.
Рыдаю.... ты мертва! Тебя не согреваю,
Горить пахучая смола.

Но не къ одной тебѣ я шлю мои мольбы—
Богини вѣчнаго Олимпа, къ вамъ взываю
Скажите, именемъ судьбы я заклинаю:
Какъ устоять противъ судьбы?

Чѣмъ можетъ смертная умерить злую страсть,
Тогда какъ сами вы ея очарованью
Готовы уступить и жадному лобзанью.
Вполнѣ отдать себя во власть.

Однихъ ли вы боговъ ласкали на груди?
Иль мало вамъ небесъ! иль мало вамъ сознанья,
Что ваша молодость вѣчна безъ увиданья,
Что нѣтъ вамъ смерти впереди!

А мнѣ!—мнѣ все грозитъ, съ утратой лучшихъ лѣтъ—
И сѣдина и гробъ—что хуже этой казни!
И я,—я не должна подумать безъ боязни
Нарушить тягостный обѣтъ!

О ненавистная! о рабская болзнь!
Долой покровъ!... я рву его на части...
Потухни жертвенникъ, какъ это пламя страсти
Потушить завтрашняя казнь!

И жертвенникъ потухъ....

НОЧЬ НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ.

СОПЕТЬ.

Чу!—выстрѣлъ—встань! Быть можетъ нападенье...
Не разбудить ли козаковъ?...
Быть можетъ параходъ заходить въ укрѣпленье
Подать письмо съ родимыхъ береговъ.
Открой окно!—Ни зги! Желанныхъ парусовъ
Кто въ эту ночь увидитъ приближенье!
Луну заволокла громада облаковъ—
Не громъ ли?—Нѣтъ—не громъ; а сильное волненье...
—За чѣмъ проснулись мы, увы, кто скажетъ намъ!
Однѣ валы шумятъ и плачутъ безъ отвѣта.....

Такъ, часто въ наши дни, въ нѣмой душѣ поэта
Проходятъ образы, незримые очамъ;
Но вожделенные—подобно парусамъ,
Идущимъ въ пристань до разсвѣта.

1850.

(Параходъ Тамань.)

САТАРЪ (2).

(Посв. И. А. Смицкому.)

Сатарь! Сатарь! твой плачь гортанный—
Рыдающей, глухой, молящей, дикій крикъ,
Подъ звуки чѣлануръ и трели барабанной
Мнѣ сердце разтерзалъ и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь;—я словъ не понимаю;
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совѣсмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровлѣ земляной,
И весь Тифлисъ молчить—и я тебѣ внимаю,—
Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропоть свой.

Не знаю, что поешь—быть можетъ пѣснь Кярама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;

Быть может къ мести ты взываешь—кровь за кровь—
Быть может славилъ ты кровавый мечь Ислама—
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
Не знаю,—слышу вопль—и мнѣ не нужно словъ!

—
Я чувствую, что рабъ иначе жить не можетъ,—
И въ музыкѣ твоей мнѣ слышенъ звукъ цѣпей.
Сатарь! Сатарь! твой плачь меня тревожить
Не легче грустныхъ думъ объ участи людей.

ГРУЗИНКА.

—

Вчера, когда зари вечерній пламень гасъ,
За виноградными садами;
Ты съ бубномъ видѣлъ ли грузинку въ первый разъ,
На кровлѣ, устланной коврами?
Сего дня на зарѣ, подъ бѣлою чадрой,
Скользя тропинкою нагорной,
Черезъ проломъ стѣны, къ ручью, надъ головой
Она несетъ кувшинъ узорный.
Но не снѣши за ней усталый путникъ мой,—
Не увлекись пустымъ мечтаньемъ!
Миражъ не утолитъ томящей жажды въ зной
И не навѣстъ снова журчаньемъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ (3).

(Посв. Г. П. Данилевскому.)

Онъ у каменной башни стоялъ подъ стѣной,
И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой,
И мелькала подъ краснымъ сукномъ,
Голубая рубашка на немъ....

Призирайте за то что его я люблю!
Злые люди, грозите судомъ!—
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай въ меня камнями!
Я и такъ уже ранена—
Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ
Одѣяніяхъ,—
Я одна только въ трауръ!

Золотая граната растеть подъ стѣной,
Всѣхъ плодовъ не достать ни какою рукой:

Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего

Стала бѣ я привораживать?—Но

Приютила бѣ я къ сердцу во мракѣ ночей,

Приглубила бѣ только его—

И ужъ больше любви мнѣ не нужно ни чей!

—
Не бросай въ меня камнями—

Я и такъ уже ранена!

—
Разлучили, стубили насъ горы—холмы

Эриванскія!—Вѣчно холодной зимы

Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ—

Говорять: на чужой сторонѣ,

Дѣвы Грузинъ блескомъ своей красоты

Увлекають сердца—Обо мнѣ

Въ той сторонѣ, милой мой, не забудешь ли ты?

—
Не бросай въ меня камнями—

Я и такъ уже ранена!

—
Говорять: злая вѣсть къ намъ отъ туда пришла:

За горами кровавая битва была—

Тамъ засада была.... Говорять
Будто нашихъ сарбазовъ (4) отрядъ
Истребленъ ненавистной изменою.... Чу!
Кто то скачетъ.... копыта стучать....
Пыль столбомъ.... я дрожу—и молитву шепчу..

—
Не бросай въ меня камнями—
Я и такъ уже ранена!—

1846.

ВЫБОРЪ УСТА-БАША (*).

—

.....
Базары снять... едва взошла
Передразсвѣтная денница.—
И что за шумъ на той горѣ!
Тифлисскихъ нищихъ на зарѣ
Куда плетется вереница?

Какъ будто на церковный звонъ
Слыща ведетъ его вожатай,
Какъ будто свадьбы ждать богатой,
Или богатыхъ похоронъ,
Тамъ межъ калекъ сидятъ босые
Въ косматыхъ шапкахъ старики,
Сложивъ на камни гробовые
Свои дорожные мѣшки.

Не за копьевичной добычей,—
Чтобъ завести иной обычай,
Къ монастырю, на этотъ разъ
Ватага нищихъ собралась.—
Иная мучить ихъ забота:
Забывъ про мѣдные гроши,
Они шумять: вай, вай! кого-то
Мы изберемъ въ уста-баши!....

Возставъ отъ сна, Тифлисъ хохочетъ
Надъ ихъ оборванной толпой;
Прослыть въ народъ головой
У нищихъ каждый нищій хочетъ.—
Бранятся, спорять и шумять....

Изъ нихъ одинъ въ толпѣ нескромной,
Одинъ Гито, старикъ бездомный,
Сурово-насмурный на взглядъ,
Съдой какъ лунь, въ дырявой шапкѣ,
Прикрывъ отъ вѣтра и дождей
Узлами обвѣтшалою тряпки
Загаръ нагихъ своихъ плечей,
Стоитъ, свой посохъ упирая
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ—
И грустно говору внимая,
Молчанье мертвое хранить.

— Гито, Гито! скажи хоть слово...
И будь надъ нами уста-башь!—

«Нѣтъ, братья!» молвилъ онъ сурово:
Спасибо вамъ за выборъ вашъ—
Не вижу толку въ сборъ нашемъ,
Не вижу толку, и въ рѣчахъ,
Не мнѣ быть вашимъ уста-башемъ—
Нашъ уста-башъ на небесахъ!

Вездѣ, гдѣ только хлѣбъ находимъ,
По городамъ и деревнямъ,
Какъ мертвецы, вездѣ мы бродимъ,
И кто бродитъ мѣшастъ намъ?
Чтобъ шевелить сердца народа,—
По милосердыю своему,
Лишь намъ Творцемъ дана свобода
Вездѣ носить свою суму.
И той свободы со слезами
Я ни кому не поручу—
Я не желаю править вами
И покорятся не хочу.»

И онъ замолкъ—но нищихъ братья
Не вникла въ рѣчи старика:
Въ толпѣ слышались проклятыя
И замахнулася клюка.

Свой длинный посохъ упирая,
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
На брань толпы не возражая,
Гито съ усмѣшкой говоритъ:

«О чемъ шумѣть? настало лѣто,
Придетъ и осень—такъ и вы,
Послушавъ моего совѣта,
Не будете безъ головы.—
Пусть выборъ нашъ рѣшаетъ счастье:
Я укажу вамъ домъ одинъ,
Гдѣ, вѣчно—мрачный какъ ненастье,
Живетъ какой-то Армянинъ.

Какъ мы, такой же безсѣмейной,
Похоронивъ недавно дочь,
Живетъ онъ жизнью келейной,
Считая деньги день и ночь.—
Кто, братья, къ празднику Христову,
Во имя Божескихъ награды,
Хоть полъ-абаза на обшуву
Своихъ изорванныхъ заплатъ,
У скряги выплachtetъ;—не даромъ,
Какъ самый счастливый изъ насъ,
Онъ будетъ править всемъ амкаромъ ⁽⁶⁾,—
И я послушаюся васъ.

И все въ отвѣтъ сказали разомъ:
—Быть по совѣту твоему!
Пойдемъ, направъ на путь на разумъ.—
И каждый взялъ свою суму....

Совѣтъ Гито пропасть не даромъ:
Богатый Армянинъ живетъ

ТАМАРА

и

ПѢВЕЦЪ ЕЯ, ШОТА РУСТАВЕЛЪ.

—

Въ замкѣ розѣ, (7) подѣ зеленою сѣнью плющей,
Въ діадемѣ, на тронѣ, Тамара сидитъ.
На мосту слышанъ топотъ коней;
Надъ воротами сторожъ трубитъ;
И толпа ей покорныхъ князей
Собирается къ ней.—

—

О внезапной войнѣ имъ она говоритъ—
О грозѣ, что съ востока идетъ—
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ,
И какъ солнце красою блеститъ.—

—

Молодые вожди, завернувъ въ башлыки
Свои мѣдные шлемы—стоятъ—
И внимають тому, что отцы старики
Ей въ отвѣтъ говорятъ.—

Въ ихъ толпѣ лишь одинъ не похожъ на другихъ—
И за чѣмъ во дворецъ,
Въ византійской одеждѣ, (8) мечтательно тихъ,
Въ это время явился пѣвецъ?

Не парису Иверіи въ сонмѣ князей,
Божество красоты молча видитъ онъ въ ней—
Каждый звукъ ея голоса въ немъ
Разливается жгучимъ огнемъ,
Каждый взглядъ ея темныхъ очей
Зарождаетъ въ немъ тысячу змѣй—
И—восторженный—думаетъ онъ:
Не роскошный ли видитъ онъ сонъ....
И какой нужно голосъ имѣть
Для того чтобъ Тамару воспѣтъ?..

Вдохновеннымъ молчаньемъ своимъ
Показался онъ страшнѣе другимъ.
И упалъ на него испытующій взглядъ,
И насмѣшки мучительный ядъ,
Въ его сердце проникъ;—и любовью палимъ,
И тоскою томимъ,
Изъ дворца удалиться онъ радъ.

Отпустили толпу;—сторожъ громко трубить;—
На мосту слышанъ топотъ копытъ;

На окрестныхъ горахъ зажженны
Роковые сигналы войны—
И гонцы, улетая на борзыхъ коняхъ,
Исчезаютъ въ окрестныхъ горахъ....

Съ грустной думой Тамара на тронѣ сидитъ—
Не снимаетъ Тамара вѣнца—
Гнѣвно машетъ рукой—и велитъ
Воротить молодаго пѣвца.

И слышался царственный голосъ жены:
—Руставель! Руставель! ты одинъ изъ мужей
Родился не въ защиту страны:
Кто не любитъ войны,—
Не являйся мнѣ въ сонмѣ князей.
Но ты любишь дѣла и побѣды мои:
Я готова тебя при дворѣ принимать.
Меньше пой о любви—
О безумной любви—и тебя награждать
Я готова за пѣсни твои.—

И блѣднѣя поникъ Руставель головой
Передъ гордой царицей обширныхъ земель.
И смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Руставель:

—О царица! чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
На всегда удалиться ты мнѣ повели—

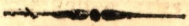

Все равно!—образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли.
Буду пѣть про любовь—ты не станешь внимать—
Но клянусь!—на возвышенный голось любви
Звѣзды будутъ лучами играть,
И пустыня, какъ нѣжная мать
Мнѣ раскроетъ объятья свои!—

—

Удаляюсь—прости!—Безъ обидныхъ наградъ
Довершу я созданье мое ⁽⁹⁾:
Но его затвердятъ,
Внуки нашихъ внучать—
Да прославится имя твое!

1851.

НАДЪ РАЗВАЛИНАМИ ВЪ ИМЕРЕТІИ.

—

Когда на листья винограда,
Слетала влажная прохлада,
Съ недосыгаемыхъ вершинъ;
Когда вечерній звонъ Гелата,
Въ румяныхъ сумеркахъ заката,
Смутивъ пустыни грустный сонъ,
Перелѣталъ черезъ Ріонъ—
Здѣсь, на кладбищахъ, позабытыхъ
Потомствомъ, среди долинъ,
Во мглѣ плющами перевитыхъ
Каштановъ, лавровъ и раинъ,
Мнѣ снился рой тѣней, покрытыхъ
Струями крови, пылью битвъ—
Мужей и женъ, душей сгорѣвшихъ

Въ страстяхъ—и въ небо улетѣвшихъ
Какъ дымъ безъ мысли и молитвъ...

Но тщетно, посреди видѣній,
Мой умъ наставника искалъ:
Въ ихъ тѣснотѣ народный геній
Лучемъ безсмертья не сіялъ

.....
И пронеслся рой духовъ,
Какъ бы ища своихъ слѣдовъ,
Надъ прахомъ тѣлъ давно истлѣвшихъ,
Подъ грудями неучлѣвшихъ
Соборовъ, башенъ и дворцовъ.—
Въ устахъ, для міра охладѣвшихъ,
На все звучалъ одинъ отвѣтъ:
Здѣсь было царство—царство пало...
Мы жили здѣсь—и насъ не стало...
Но не скорби о насъ поэтъ!
Мы пили въ жизни полной чашей;
Но вамъ, изъ гроба своего,
Въ усладу бѣдной жизни вашей,
Не завѣщали ничего!....

И пронеслись.... но сквозь туманы
Протекшихъ лѣтъ, передо мной,
Неотразимой красотой
Мелькаетъ образъ Дареджаны,

Въ ея глазахъ—любовь и мгла,
Тоска на мраморъ чела,
Въ груди огонь желаній скрытыхъ—
И возмутительныхъ страстей
Зараза—и коварный змѣй
Въ улыбкѣ усть полураскрытыхъ.

1850.

(Кутайсѣ.)

ПРИМЪЧАНЬЯ.

- 1.) *Саятъ-нова*—анонимъ одного изъ армянскихъ пѣвцевъ прошлаго столѣтья. Предлагаемое стихотвореніе есть переводъ нѣсколькихъ строфъ изъ небольшого числа его пѣсенъ, пощаженныхъ временемъ—Первый стихъ этого стихотворенья грѣшитъ противъ физики—но это не моя вина. О Саятъ-новѣ и характерѣ его пѣсенъ я написалъ небольшую статью.— См. 1 и 2 №№ газеты «Кавказъ.» 1851 года.
- 2.) *Сатаръ*—собственное имя известнаго въ Тифлисъ персидскаго пѣвца.—Сатара можно слышать на грузинскихъ и армянскихъ свадьбахъ—куда онъ является въ сопровожденіи музыкантовъ. Ему аккомпанируютъ: *чунгури*, бубень, *тимплипито* и *чанури* т. е. азійская скрипка. Его восторженно дикіе вопли, поражая слухъ европейца новизною, раждаютъ въ душѣ его странное тревожное чувство.
- 3.) Татарская пѣсня эта была доставлена покойнымъ Абазъ-кули-Ханомъ—одному польскому поэту, Лидо Замлоцкому, съ которымъ я познакомился въ Тифлисъ въ 1846 году, за годъ до его кончины въ Кульпахъ.—Онъ перевелъ эту пѣсню по польски прозой; я, какъ умѣлъ, русскими стихами.

- 4.) *Сарбазы*—персидскіе солдаты, горнизонтъ.
- 5.) Стихотвореніе «*Выборъ Уста-баша*» основано если не на дѣйствительномъ фактѣ, по крайней мѣрѣ на молвѣ, извѣстной всему Тифлису. *Уста-башъ* тоже что, голова или старшина.
- 6.) *Амкаръ*—община.—Въ отношеніи къ понятію о цѣхъ это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе, ибо цѣхъ предполагаетъ только общину мастеровъ или ремесленниковъ; тогда какъ въ Тифлисѣ *амкары* составляютъ не только ремесленники по и торговцы какъ то бакальщики или продавцы фруктовъ, водовозы и другіе. *Выборъ уста-баша* сопровождается разными церемоніями.—См. «Кавказъ» 1850 года № 93 статья И. А. Сливцоваго.
- 7.) *Замокъ розъ* — по грузински *Вардисъ-цихе*. Развалины этаго замка находятся верстахъ въ двадцати отъ Кутаиса, при слияннн рѣки Кварины съ Ріономъ.
- 8.) *Шота Руставель* свою молодость провелъ въ Византіи, гдѣ и получилъ образованье.
- 9.) Нѣкоторые изъ грузинъ увѣрены, что въ поэмѣ своей «*Барсова кожа*» *Шота Руставель*, подъ именемъ дочери индѣйскаго царя, *Нестанъ-Дареджаны*, воспитываетъ царицу *Тамару*.

Всѣ изустныя преданья о вѣкѣ *Тамары* единогласно подтверждаютъ, что *Шота Руставель* былъ влюбленъ въ знаменитую царицу—Есть еще преданье, будто бы *Руставель* былъ отравленъ, за то что осмѣлился просить руки царицы въ награду за стихи свои.

